КУРАПАТЫ ПРИОТКРЫЛИ ЗАВЕСУ НАД ЕЩЕ ОДНОЙ ТАЙНОЙ СТАЛИНИЗМА

Интервью газете «Молодежь Эстонии»

25 сакавіка 1989 года. Пярэдадзень выбараў у Вярхоўны Савет СССР. Агульнагарадскі мітынг, арганізаваны БНФ.

— Все, что мы узнали о Курапатах, страшно и трагично. Но страшно и то, что вскоре за известием об этой белорусской трагедии пришло другое известие — о событиях в Минске 30 октября...

— Положение, которое сложилось в Белоруссии, осознавалось людьми. Одними глубже, другими в общих чертах. Но люди-то понимали, что оно совершенно ненормальное — нет национальных школ, из государственной сферы вытеснен национальный язык, национальную историю не изучают и не знают ее, оскорбляют культуру, уничтожают памятники. Конечно, народ в Белоруссии трудолюбивый. Но сколько бы человек ни работал, он все же задает себе вопрос: куда деваются результаты его труда, почему он работает много, а

получает мало? Так ват, эмоциональным ответом на эти вопросы явилась публикация правды о Курапатах. Это известие было подобно разорвавшейся бомбе...

25 сакавіка 1989 года. Пярэдадзень выбараў у Вярхоўны Савет СССР. Агульнагарадскі мітынг, арганізаваны БНФ.

— Читая об этом и ужасаясь этой трагедии, я все время думаю еще о том, как люди жили с грузом этой памяти, этого знания. Ведь они только сейчас начали говорить! Ведь столько времени они молчали. Знали и молчали. Это же такое психологическое бремя.

— Они и сейчас еще многие говорят шепотом. Боятся.

— И ведь это тоже совершенно неисследованное явление, правда?

— Ужас сталинизма не поддавался осмыслению нормальной человеческой психикой. В нем было что-то сатанинское. Этот ужас вызывал мистический страх. И потом, люди ведь жили в системе рабства. Это особые отношения, ибо

раб — неинициативный, безвольный человек. Возьмем 30-е годы — рождение колхозов. Возвратили крепостное право в новых социальных условиях, только гораздо более жестокое: человек стал более бесправен, он больше подвергался унижению. Люди-рабы без паспортов в тотальной паспортной системе полностью зависели от тех, кто в любой момент мог отправить их на тот свет. Они работали и не получали за это ни копейки. У крестьянина отобрали все — и землю, и скот, и свободу, и достоинство. Не отработаешь трудодни — не дадут лошадь обработать приусадебный участок или же не разрешат привезти дрова из лесу. И человек вынужден был работать даром, чтобы отопить избу или обработать участок. А кроме того, с этого же участка еще платили налоги. И если в других местах был страшный голод и люди умирали — в Поволжье, на Украине, то крестьянин-белорус благодаря своей покладистости и трудолюбию тянул новое ярмо, как-то перебивался. Голодал, но с голода не погибал. И для меня по сей день удивительно, как могли эти люди выжить. Я вспоминаю рассказ одной женщины, белоруски, приехавшей из Австралии. Со своими детьми она попала к немцам в лагерь. Колючей проволокой огородили участок, пулеметы поставили, загнали людей, как скот, и держали там. На день бросали им, как курам, горсть зерна — больше ничего не давали. Люди умирали, как мухи. Особенно итальянцы, французы — они, цивилизованные люди, не знали, что делать с этим зерном, бросали по одному зернышку в рот и гибли от голода. А эта женщина выжила: терла зерна между камнями, какой-то травы, коры добавляла, коренья и делала лепешки — человек боролся за жизнь, как только мог! И своих детей спасла. Слушая такие рассказы, я вижу в нашем народе огромную жизненную силу. Чего бы его не лишали, кроме жизни, он все равно выживет и пробьется. Сталинский коммунизм физически уничтожал нас как нацию, как этнос. В результате наших археологических исследований и выборочной эксгумации могил, проведенной совместно с Прокуратурой БССР, сделано заключение, что в среднем только в одних Курапатах было расстреляно четверть миллиона человек. Но выяснилось, что такие душебойки, как Курапаты, были вокруг каждого города в Белоруссии. Только в Минске нами найдено шесть таких мест. Теперь становится ясно, почему в 20-м году население Белоруссии насчитывало 12

миллионов человек, а перед войной, в 40-м, 9 миллионов 200 тысяч. Куда делись 2 миллиона 800 тысяч? Ведь территория была уже практически та же самая — к 40-му году западные земли Белоруссии были возвращены. Наши историки предполагают, что от сталинизма пострадал каждый четвертый белорус.

26 красавіка 1989 года. Трэцяя гадавіна Чарнобыля. Чарнобыльскі звон смуткуе па ахвярах.

— Как от фашизма.

— И уничтожались лучшие — крестьяне, которые умели работать, интеллигенция, ученые, писатели, учителя, цвет нации. Сталинизм себя проявил как враг всякой культуры, система сознательно вела к понижению культуры, уничтожала лучшее, что дает жизнь.

— Насколько мы здесь у себя располагаем информацией, Народный фронт Белоруссии не поддерживается и не признается республиканскими властями. Но насколько поддерживается он своим народом? Насколько болеет его болями?

26 красавіка 1989 года. Трэцяя гадавіна Чарнобыля. Чарнобыльскі звон смуткуе па ахвярах.

— Народный фронт Белоруссии поставил задачу — объединить всех для достижения трех основных задач: демократизация общества, ликвидация бюрократической системы и возрождение нации на демократической основе. Но в официальной печати иначе не пишут, как «так называемый Белорусский народный фронт». Только после поражения на выборах в Минске перестали делать вид, что ничего подобного в природе не существует. Хотя в природе уже существовали около 500 групп поддержки, а в движении участвовали тысячи человек. Народный фронт расширяется, приобретает опыт и не даст себя спровоцировать.

— Вы имеете в виду события 30 октября прошлого года?

26 красавіка 1989 года. Трэцяя гадавіна Чарнобыля. Чарнобыльскі звон смуткуе па ахвярах.

— Не только. Все митинги, все общественные начинания были запрещены. Наступило 26 апреля — третья годовщина чернобыльской трагедии. Вы знаете, наверное, что Чернобыль — это, прежде всего, трагедия Белоруссии. Чернобыльская станция в пяти километрах от белорусской границы, на протяжении недели на нас шли ветры, захватив всю территорию республики. Но самое страшное, что в Могилевской области позже расстреливали и осаждали стронциево-цезиевые облака, которые шли на Москву. Сейчас в Могилевской области радиация выше, чем в чернобыльской зоне. Местами от 45 до 100 кюри на квадратный километр (при допустимом пороге 15 кюри). Там

нельзя жить и нельзя обрабатывать ту землю.

Но там живут и обрабатывают, и кормят детей и нас всех. Никакой серьезной последовательной медицинской помощи, в сущности, нет. Это профанация, нет даже необходимых медицинских приборов. Три года об этом говорим, но до сегодняшнего дня нет индивидуальных дозиметров. Учитывая позицию Народного фронта, руководители были вынуждены разрешить опубликовать некоторые карты радиационной зараженности. Это через три года! Но действительное состояние дел скрыто от общественности республики. Десятки тысяч детей болеют лейкемией, не говоря уже о прочих болезнях, связанных с понижением иммунитета вследствие радиационного воздействия. Но даже детей, которые скоро начнут умирать, никуда не вывозят. Сейчас Народный фронт ставит задачу: на лето вывезти хотя бы тысячу наших детей в другие республики. Уже организован комитет, который ведет переговоры для того, чтобы их приняли. Об этом общественность информирована слабо, но все же знает. Так вот, 26 апреля, в годовщину чернобыльской трагедии, Народный фронт решил провести на площади Ленина перед Домом правительства в Минске «Час скорби и молчания». Не митинг, а час скорби и молчания. То есть только постоять со свечами и помолчать. Народный фронт дал заявку, горисполком, как обычно, запретил, но зато издал спешное постановление, что в глухом лесопарке на краю заводского района выделена площадка для митингов — дескать, идите туда, стойте и молчите. Но смысл был провести этот час скорби именно перед Домом правительства, которое скрыло и скрывает от народа действительную опасность. В 1986 году не отменили даже Первомайскую демонстрацию в Гомеле, не предприняли минимальных мер заботы о населении вне формальной зоны заражения, ну хоть бы объявили, чтобы форточки в домах закрывали, чтобы детей на улицу не пускали и т.п. Я уже не говорю о препаратах йодистого калия, которых не было. Потом удалось установить, что детям сановной бюрократии эти таблетки все же давали. Что поделаешь, спецснабжение, привилегии... Какая низость!

26 красавіка 1989 года. Трэцяя гадавіна Чарнобыля. Чарнобыльскі звон смуткуе па ахвярах.

В лесопарке аппаратчики спешно организовали официальный митинг. Наши же объявления, расклеенные по городу, срывались. Поэтому на площадь пришли всего тысяч десять — с черными знаменами, с черными хоругвями, на которых был знак радиации и названия городов, которые ей подверглись. Когда люди стали стекаться, милиция была уже наготове, во дворах стояли машины с решетками. Подвезли духовой оркестр, он тут же стал трубить. Никто не обращал на это внимания. Люди были молчаливы, сосредоточены. Но, наверное, поступило какое-то указание (мы предупредили телеграммами Москву) — милиция вела себя корректно; по мегафону даже объявили, мол, не беспокойтесь, провокаций со стороны милиции не будет. И разрешили пройти на площадь. Все собрались в центре. Два человека взяли колокол на черной ленте с надписью «Чернобыль». Зажгли свечи. Было сказано несколько слов. И на протяжении часа молча стояли все эти десять тысяч. Каждые пять — семь секунд — удар колокола. Когда все закончилось, люди тихо прошли с площади на проспект, свернули хоругви и разошлись.

Мітынг і дэманстрацыя прыхільнікаў БНФ на 1 Мая 1989 года.

— А что было на официальном митинге?

— Рассказывают, он тоже прошел неплохо. Правда, сначала по бумажкам читали вещи известные, затертые. А потом очень критически выступили несколько ученых. Люди начали говорить нежелательное властям — о том, что обманывают народ, что нет информации и так далее. В общем, устроители элементарно просчитались. По-видимому, они полагали, что от радиации может умереть только Народный фронт. Увы! Смертны все, не спасут и спецкормушки. Но бюрократия прежде всего и всегда думает о себе. Если на карту будет поставлена жизнь народа и минимальные интересы бюрократии, она, не колеблясь, будет спасать свои интересы. Это особенно ярко показал Чернобыль. Но примеров множество, их бессчетное количество. Разве народ это не понимает?

Иногда кажется, что мы живем в каком-то фантастическом театре абсурда, где «Кафка становится былью». Кто бы мог предположить, что во время скорбной медитации тысяч людей и чернобыльского молчания на площади народ старательно снимали всякие «органы». Потом завели «дела» и посыпались повестки в милицию Московского района, и начались массовые допросы, и писание протоколов, и угрозы и т.п.

Сейчас в Минске готовится совершенно необычный аттракцион — процесс над участниками Первомайской демонстрации за участие... в этой демонстрации. Уже готовы фотографии демонстрантов, в массовом порядке разосланы повестки, ведутся допросы, строчат протоколы. Суть в том, что в демонстрации участвовала отдельная колонна Народного фронта. При этом горисполком колонну «запретил», Совет Министров — «разрешил», а «штаб» демонстрации (он же горком партии), когда все собрались, снова «запретил», даже выстроил доблестные ряды милиции, преградив путь к родному правительству. Пришлось идти в обратном направлении — через город в Курапаты. Так уж получается неоднократно, что там, где сталинщина, — дорога одна, в Курапаты. Символическая традиция. (...)

«Молодежь Эстонии», 1989, 20 мая.

Мітынг і дэманстрацыя прыхільнікаў БНФ на 1 мая 1989 года